

заместителем председателя по защите докторских. Готовлю разные оперативные материалы, участвую в экспертизе выполненных в Институте и других учреждениях работ. Могу с полной определенностью сказать, что работать главным научным сотрудником намного интереснее, чем на всех начальственных постах.

А теперь о планах на будущее. Задумана работа по истории отечественной социальной психологии. В какой-то степени считаю себя ответственной за долг социальных психологов перед историей психологии. В свое время в Институте психологии планировалась и в значительной степени выполнена серия работ по истории социальной психологии в мире: подготовлены книги по социальной психологии в США, Западной Европе, социально-психологическим проблемам в русской науке, по социальной психологии в социалистических странах. Осталась незавершенной работа по истории отечественной социальной психологии XX в.

— От чего хотели бы предостеречь молодых психологов, что бы им пожелали?

— Прежде всего следует предостеречь от легковесного отношения к жизни, к своей профессии. Психологическая профессия — одна из труднейших. Первое правило, которому надо следовать, имея дело с человеком, — это, как в медицине, не навредить. Учиться всю жизнь понимать человека, встать на его позицию, научиться слушать его, опираться постоянно на лучшие, сильные качества и тем самым помогать решать человеческие проблемы. Важно сейчас, в наше бурное, трудное время, не поддаваться соблазну спекулировать на психологии, моде на нее, не превратить ее из цели жизни в средство для достижения других целей. Не порывая с традициями, находиться в постоянном поиске. Бескорыстный поиск истины, как свидетельствует история, тоже немало стоит. А в общем пожелала бы молодежи взять на себя ответственность за судьбы психологической науки, за ее прогресс и соответствовать высокому званию психолога.

Беседу провел В. И. Артамонов (март — апрель 1992 г.)

Сокровища духовного опыта

«У смирения есть особое свойство — повышать духовную ценность человека». Эти слова принадлежат профессору Ивану Александровичу Ильину (1883—1954), известному русскому мыслителю и религиозному философу. И. А. Ильин родился в Москве, но в силу внешних обстоятельств его жизненный путь делится на три периода: московский, берлинский и цюрихский. Работы Ильина в области истории философии, этики и религии в дореволюционной России были широко известны. В сочинениях «Понятия права и силы» (1910), «О любезности. Социально-психологический опыт» (1912), «Учение Гегеля о реальности и всеобщности мысли» (1914) он пытался преодолеть формально-методологический подход и «сделать то, что труднее и важнее: дать синтетически строящее открытие» [2].

В 1918 г. состоялась публичная защита магистерской диссертации И. А. Ильина на юридическом факультете Московского университета. Официальными оппонентами выступали проф. П. И. Новгородцев и проф. князь Е. Н. Трубецкой. И. А. Ильину за труд «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том I. Учение о Боге» единогласно были присуждены степени магистра и доктора государственных наук.

И. А. Ильин был убежденным и деятельным противником большевизма. Советская власть неоднократно подвергала его арестам, а в 1922 г. присудила к «пожизненному изгнанию».

С 1923 по 1934 г. И. А. Ильин состоял профессором при Русском научном институте в Берлине, где читал ряд курсов на русском и немецком языках: история этических учений, система этики, логики, религиозная идея восточного православия, сущность и судьба коммунизма, основы советского государства и др.

В 1925 г. И. А. Ильин написал книгу «О сопротивлении злу силою» [3]. Поводом послужили грозные и судьбоносные события, обрушившиеся на Россию и опрокинувшие «все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции». Задача автора — вскрыть эти ложные основы и противопоставить им возрожденную религиозную и государственную мудрость и силу «восточного Православия и, особенно, русского Православия» [3, с. 5].

Вопреки толстовскому пониманию смирения Ильин в своей работе открыто вступает с ним в полемику: «Я искал не только опровержения Толстовства, но и доказательства того, что к любви — меченосец способен не меньше, а больше непротивленца...». Цель исследования Ильин видел в том, чтобы «попытаться найти верный исход и разрешение вопроса... восстановить древнее русское православное учение о мече во всей его силе и славе ... Сопротивляйся всегда любовью: а) самосовершенствованием, б) духовным воспитанием других, в) мечом (там же, с....).

И. А. Ильин очень рано распознал истинное лицо национал-социализма и отказался признать партийную программу этого режима. После прихода к власти Гитлера он был удален из Русского научного института, ему грозили арест и заключение в концлагерь.

В 1938 г. И. А. Ильину удалось вырваться в Швейцарию, где он прожил последние 16 лет.

И в философии, и в жизни Ильин был до конца носителем волевой идеи, мыслителем-борцом, активно и жертвенно сражавшимся за дух и свободу, за право и правду, за торжество одухотворенной государственности и христианской культуры. По его мнению, русская религиозная философия должна пересмотреть свое призвание, предмет и метод в свете «всех пережитых блужданий и крушений», возжелав при этом «ясности, честности и жизненности» [1, с. 100].

Исключительно одаренный от природы, Ильин был по своей жизненной деятельности и своим умственным интересам человеком разно- и многосторонним: оратором, лектором, педагогом, публицистом и редактором, ученым-исследователем и искусствоведем; задолго до появления этих терминов он был россиеведом и советоведом (советологом). Младший современник прославившихся русских религиозных философов, Ильин стал соучастником философского — и вместе с тем религиозного — возрождения, протекавшего в среде русской интеллигенции периода двух русских революций и эмиграции [4].

В предисловии к посмертно изданной программной книге «Путь к очевидности» [1] И. А. Ильин писал: «Прежде всего нам надо сосредоточиться на том, что мы утратили. Человечество попыталось за последние два века создать культуру без веры, без сердца, без созерцания и без совести; и ныне эта культура являет свое бессилие и переживает свое крушение... Человек будущей культуры должен снова возлюбить духовную свободу, предаться живой сердечной доброте, взрастить в себе драгоценное смирение как источник подлинной силы... [1, с. 1—3].

В публикуемой ниже главе «О смирении» [1, с. 118—124] путь духовного обновления человека рассмотрен не только с религиозно-философских, но и с психологических позиций, что способствует выходу из хаоса духовного затмения и обретению утраченной цельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. Мюнхен, 1957.
2. Ильин И. Философия как духовное делание. Предисловие Ю. Лисицы // Моск. журн. 1992. № 4. С. 33.
3. Ильин И. О сопротивлении злу силою. Берлин, 1925, 221 с.
4. Полторацкий Н. И. А. Ильин // Русская религиозно-философская мысль XX в. / Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 240—250.

канд. биол. наук Н. Крылова,
послушник Евгений Лукьянов

О СМИРЕНИИ

Иногда у нас возникает сомнение, можно ли в самом деле требовать смирения от всех людей? Где взять его повседневному человеку, с головой ушедшему в борьбу за существование, с ее заботами, страхами и интригами? Разве смирение не есть добродетель избранных, прошедших путь религиозного очищения? Может быть... Но именно поэтому мы радуемся, когда замечаем в ком-нибудь искру неподдельного смирения; и у нас тотчас же складывается уверенность, что судьба послала нам жизненную встречу с превосходным человеком.

У смирения есть особое свойство — повышать духовную ценность человека.

Если мы видим перед собою какого-нибудь прославленного деятеля (в науке, в искусстве или политике) и замечаем в его манере держаться самомнение, тщеславие или гордость, то мы начинаем охлаждать к нему, наша симпатия гаснет и ценность его умалется в наших глазах. Это происходит не только потому, что его самопревознесение как бы понижает нас самих и что мы чувствуем себя явно пренебреженными или даже сопричисленными к «ничтожествам». Это было бы понятно: ибо это означало бы, что у нас самих не хватает смирения и что поэтому его апломб кажется нам «невыносимым». Но гораздо важнее то обстоятельство, что его заносчивость умалет его дух и снижает его ценность.

Это так и есть на самом деле.

Истинному величию причитается простота, доброта, легкость и скромность. И чем более у даровитого человека этих прекрасных и чарующих свойств, тем искреннее обращаются к нему сердца. Это естественно: в глубине души у всех нас живет убеждение, что победитель жизненных трудностей и предметов должен был прежде всего победить самого себя... А скромность и выражает эту победу.

Зато тот, кто считает себя «перлом создания», кто воображает, что осуществил «высшее» и что его творчество «совершенно», тот обнаруживает свою близорукость и ограниченность. И чем горделивее он держится, чем больше его притязание и чем навязчивее он его предъявляет, чем более он доволен собою и чем менее он смотрит вверх и вперед, тем сильнее наше разочарование: мы теряем уважение к нему, он уже не импонирует нам, и у нас делается такое чувство, как если бы мы натолкнулись в нем на маленького и глупого человека, который заслонил нам в нем самом умного, большого и значительного... Какое огорчение!

Напротив: от истинной скромности идет некое духовное благоухание; в ней есть что-то трогательное и пленительное. Может быть, скромный человек не достигнет так скоро «признания» и «славы», как самоуверенный человек, выходящий с апломбом, или как назойливый хвастун, над которым люди посмеиваются и все же поддаются его саморекламе: смотрят на его «фейерверк», знают, какая ему цена, и все-таки незаметно начинают считать его «выдающимся» человеком. Однако фейерверк скоро сгорает и после него остаются только обугленные деревяшки, сажа и зола, и тут-то лучи скромного человека с их тихим, но подлинным светом начинают обращать на себя общее внимание.

Можно было бы сказать: выдающийся, но заносчивый человек обнаруживает свои пределы и снижает свой рост; небольшой человек с истинным смирением причастен к духовному величию. Гордость разочаровывает и обесценивает. Смирение пробуждает любовь, увеличивает ценность человека и возносит его духовно. Будь неприязнителен и терпелив; примиришься с тем, что ты пройдеши в жизни незамеченным; предоставь другим блеснуть и красоваться. Твое время придет тогда, когда начнется настоящее, не личное, а предметное. Может быть, это будет после твоей земной смерти, когда наступит время «жатвы» и когда каждое зернышко будет бережно собрано, и твое зерно будет с любовью принято. Может быть... И вот с этим надо примириться. Надо выносить в себе потребность и волю — быть, а не казаться; и уверенность, что «зерно бытия» больше, чем